

ПРЕДИСЛОВИЕ. МОЯ МЕТОДОЛОГИЯ

В этой книге, где было возможно, я заменила термин «домашнее насилие» на «абьюз»¹. Я посчитала, что это необходимо, потому что в ряде чудовищных случаев давление присутствовало, а физическое насилие — нет. Или оно было практически незаметно. Как пишет правозащитница Ясмин Хан, глава организации *Eidfest Community Services*, в статье для портала *Women's Agenda*: «Многие женщины, которым мы помогаем, уверяли меня, что не сталкивались с домашним насилием. “Он никогда не поднимал на меня руку”, — говорили они. Но, поразмыслив и пройдя более глубокий опрос, они осознавали, что жили под давлением много лет. Возможно, внешне оно могло показаться относительно мягким, но так или иначе наносило им весьма значительный ущерб». Главная задача Хан сейчас — заменить юридическое понятие «домашнее насилие» на «домашний абьюз». По такому принципу уже действует полиция в Великобритании. «Давайте изменим терминологию, — пишет она, — и перестанем делать вид... что в данном случае речь идет только о серьезных правонарушениях, в которых использовалось физическое воздействие». Когда я прочитала статью Ясмин, то остановилась и задумалась. И тут же ясно осознала: нам нужны эти изменения. Мы еще раз отредактировали почти готовую книгу, чтобы поправить термины там,

¹ Для удобства русскоязычного читателя в этой книге универсальные термины «домашнее насилие» и «абьюз» иногда переводятся с помощью ряда синонимов, наиболее соответствующих тому или иному контексту. Это может быть злоупотребление властью, давление (в том числе психологическое), притеснение, агрессия, тирания, диктат, манипуляция и т. п. (*Прим. ред.*)

где это уместно. Даже подзаголовок поменяли. Мой чудесный редактор Кирсти Иннес-Уилл уверила меня, что потрудиться стоило. Книга выиграла от такой корректировки.

Во взаимодействии журналиста с его источниками обычно работает односторонний диктат: как правило, пишущий выбирает, что именно и в каком виде будет опубликовано. Но я решила, что в данном случае сделаю ровно наоборот: оставлю окончательное слово за теми пострадавшими, которых привлекла для написания этой книги. Если процесс работы над ней не даст им позитивного опыта, то к чему тогда все это? Каждого, кто беседовал со мной, я уверяла, что это именно *его история*¹, а не моя. А значит, когда только возможно, я давала всем им право пересмотреть рассказанное, изменить или удалить какие-то факты — особенно если они связаны с их безопасностью. Работа временами была очень трудоемкой, но оно того стоило. Для меня было большой честью пообщаться со всеми моим героями.

Кое-где при необходимости я опускала факты, связанные с происхождением и национальностью некоторых из них. Я делала это либо для того, чтобы защитить жертв, либо чтобы затруднить идентификацию участников тех или иных судебных разбирательств (согласно пункту 121 Семейного кодекса² запрещено публиковать любую информацию, которая могла бы служить для установления личных данных сторон судебного процесса). Истории в главе, посвященной семейному праву, записаны со слов пострадавших, взрослых и детей. Да, я не выслушала другую сторону, посчитав небезопасным обращаться за разъяснениями к предполагаемым абьюзерам. Однако внимательно изучила записи их показаний и постаралась быть максимально объективной.

¹ Здесь и далее в тексте курсив автора. (Прим. ред.)

² Family Law Act — закон, регулирующий семейные отношения в Австралии. (Прим. ред.)

Некоторые из высказываемых мною идей могут показаться спорными, и в каждом конкретном случае я прямо это оговариваю. Несмотря на то что нам удалось привлечь лучшие умы для рецензирования и редактирования собранного материала, вся ответственность за ошибки и неточности целиком и полностью лежит на мне. Если вы заметите их, пожалуйста, обратитесь в издательство Black Inc., и мы сделаем все возможное, чтобы внести исправления при переиздании.

ВВЕДЕНИЕ

Телефоны в офисе Safe Steps, работающей круглосуточно семь дней в неделю горячей линии для пострадавших от насилия в штате Виктория, вдруг замолчали. «Когда они перестают звонить, я нервничаю, — говорит оператор. — Такое бывает редко. Иногда случаются “обострения”, когда звонки раздаются каждые три минуты. Некоторые женщины набирают этот номер уже не в первый раз: по статистике, они обычно возвращаются к партнеру-абьюзеру в среднем семь раз перед тем, как бросить его окончательно». «Наверное, вам досадно видеть, что женщина была готова уйти, а потом вернулась?» — предположила я. «Нет, — уверенно отвечает психолог-консультант — Я злюсь, потому что ее партнер обещал прекратить насилие, но все повторяется снова и снова».

* * *

Через год после того, как я взялась писать о домашнем насилии, меня посетило ужасное открытие. Дело было в 2015 году. Чудесной летней ночью я развешивала в палисаднике только что постиранное белье. Вокруг повизгивали маленькие летучие мыши, питающиеся фруктами. Прохладный ветерок приятно освежал кожу. На душе у меня было спокойно. Ощущение уверенности и чувство безопасности не покидали меня. Я пошла обратно к дому, держа в руках бельевую корзину, и уже было поднялась по ступенькам заднего крыльца, как вдруг мое сознание пронзила мысль, поразившая меня с такой силой, что у меня даже навернулись слезы на глаза. Мне очень повезло: я могу чувствовать себя в безопасности в темноте — пусть даже и у себя на заднем дворе! А сколько

женщин не находят покоя в собственном доме? Сколько женщин, поднимаясь на крыльцо, вздрагивают от страха? Сколько женщин с ужасом думают о том, что произойдет с ними этой ночью в постели? Представляю, как у какой-нибудь бедняжки начинает биться сердце при всяком шорохе листвы, стоит ей только представить себе, что где-то во мраке ночи ее поджидает мужчина с недобрыми намерениями. Тот самый мужчина, которого она когда-то любила.

Мы много говорим об опасности прогулок по темным закоулкам, но на деле в каждой стране мира есть немало женщин¹, для которых самым непредсказуемым и опасным местом стал их собственный дом. В 2017 году в мире было зарегистрировано 87 000 убийств женщин, из них более трети (30 000) погибли от рук сексуального партнера, а еще в 20 000 случаев убийцей оказался тот или иной родственник². [1] В Австралии с населением почти 25 миллионов человек от насилия со стороны интимного партнера погибает одна женщина в неделю. [2] Эта статистика доказывает, что женщинам стоит бояться не какого-то монстра, скрывающегося под покровом ночи, а мужчин, в которых они некогда были влюблены. В это трудно поверить, но это факт.

* * *

Эта книга о любви, насилии и власти. Она посвящена феномену, проявляющемуся как вдали от посторонних глаз, так и на публике. Хотя преимущественно за ним

¹ Джесс Хилл и ключевые эксперты, консультировавшие ее при создании книги, последовательно выступают за равенство полов и призывают общество бороться с гендерными стереотипами. Связанные с этими стереотипами обороты «сильный/слабый пол» и «прекрасный пол» в данном случае употребляются переводчиком вне идеологических коннотаций, лишь как стилистический прием, облегчающий восприятие текста. (Прим. ред.)

² Указатели в квадратных скобках отсылают к списку источников в конце книги, разделенному по главам. (Прим. ред.)

стоят мужчины, не любящие пристального внимания. Я попытаюсь ответить на вопросы, обычно не задаваемые вслух, например: «Почему они так поступают?» Моя книга о том, что нужно пересмотреть привычные представления и стереотипы и прямо взглянуть на одну из самых сложных и актуальных проблем нашего времени.

Впервые в истории мы набрались смелости, чтобы дать отпор домашнему насилию. У нас на глазах происходят большие перемены. И впоследствии, думаю, 2014-й назовут годом, когда в западном мире наконец начали серьезный разговор о насилии мужчин по отношению к женщинам. Впрочем, ни в одной стране не поднималось такой волны протеста, как в Австралии: 12 февраля 2014 года все население ополчилось против этого зла.

В тот день австралийцы с удивлением наблюдали за одинокой обезумевшей от горя женщиной, стоявшей посреди улицы. Взгляд ее блуждал: она смотрела то в землю, то поднимала глаза к небу, то направляла взор куда-то поверх стайки репортеров, которые с нетерпением ждали, когда же она сделает заявление. Этой самой обыкновенной представительнице среднего класса предстояло рассказать о трагедии, разыгравшейся буквально накануне. Ее одиннадцатилетний сын погиб от рук своего отца. Одиннадцать лет мать заботилась о безопасности мальчика, но при этом пыталась сохранить в его сердце любовь к отцу. В конце концов, разве не так ей предписывало действовать общество? Надо было поглубже спрятать собственный страх, все время быть начеку, отслеживать малейшие намеки на опасность, а параллельно устраивать все так, чтобы ребенок все же общался с отцом. «Никто не любил Люка больше, чем Грег, его папа. Никто не любил его больше, чем я», — настаивала Роза Бэтти даже после того, как Грег нанес несколько смертельных ударов ножом сыну. Ранее она и сама пережила насилие со стороны Грега, ушла от него и в течение нескольких лет предупреждала полицию, что ее бывший муж непредсказуем и может

представлять угрозу для сына. Но в судах и полицейских участках недооценили ее заявления. Не хотели слушать, не верили. Иногда, правда, что-то предпринимали, но потом дело начинало буксовать, терялось среди бумаг. То же самое происходило ранее с другими бесчисленными жертвами абьюза. И вот предсказания Розы сбылись. При чем все произошло не за закрытыми дверями, как обычно бывает в таких ужасных случаях, а на городской площадке для игры в крикет, прямо на глазах у других детей и их родителей. «Если вообще можно делать из трагедии выводы, пусть все усвоят этот урок, — сказала Роза Бэтти журналистам. — Семейное насилие может пережить каждый. Оно может коснуться любого человека, независимо от того, насколько он интеллигентен и благополучен». В глазах рядовых австралийцев Бэтти и есть «любой человек» — она не принадлежит ни к ругаемому всеми малоимущему сословию, ни к привилегированному богатому. Она как бы из «демилитаризованной зоны» — белая женщина, средний класс.

Когда случилось несчастье, Роза не ушла в тень, чтобы там тихо лить слезы в одиночестве, а обратилась к обществу с призывом к действию. Ее выступление, подкрепленное впечатлением, которое произвела трагедия, пробило стену равнодушия и заставило людей обратить внимание на проблему. Мать погибшего мальчика сама оказалась невинной жертвой, она искренне горевала о своей потере и приглашала всех разделить эту боль. В день убийства Люка вся нация будто прозрела. Через сорок лет после того, как в Австралии открылся первый приют для женщин, мы наконец-то готовы поверить в домашнее насилие. Пострадавших от него, некогда изгнанных из уважаемого общества, теперь просят поделиться своими историями. Пришло время их выслушать. Мы просто *обязаны* попытаться их понять.

Не вполне ясно, почему после многочисленных трагедий, а также после длившихся десятилетиями заявлений об абьюзе одно конкретное убийство стало решающим

фактором и изменило ситуацию. Гибель Люка Бэтти при-
шла на особый период. По всему миру те, кто столкнул-
ся с домогательствами и принуждением, стали расска-
зывать о себе, ничего не стыдясь и требуя, чтобы к их
голосам прислушались. В апреле 2014 года Белый дом
потребовал провести проверку в американских студен-
ческих кампусах, где процветало сексуальное насилие,
виновники которого слишком часто оставались безна-
казанными. [3] «Все мы знаем, что во многих наших
учебных заведениях небезопасно, — отметил вице-пре-
зидент США Джо Байден, —

**Печально, но факт: угрозой
для очень многих женщин ста-
новится не чужак-насильник,
а близкий человек.**

в колледжах и университетах
не должны более закрывать
на это глаза». Месяцем поз-
же, в мае, молодой америка-
нец по имени Эллиот Роджер опубликовал видеоролик
с женоненавистническими высказываниями и после
этого устроил стрельбу неподалеку от Калифорнийско-
го университета, убив шестерых человек и ранив че-
тырнадцать. От рук Роджера погибло больше мужчин,
чем женщин. Вероятно, юноша страдал психическим
заболеванием, но то, что при этом он был движим не-
навистью к противоположному полу, не вызывало со-
мнения. У него изъяли дневник: Эллиот исписал сто
тридцать семь страниц и в этом леденящем душу ма-
нифесте ругал «шлюх», отказывающих ему в сексе, то
есть в том, что ему положено «от природы». Досталось
и мужчинам, которые отбирают у него право на сек-
суальную самореализацию. «Девушек не привлекают
джентльмены. Им нужны альфа-самцы, — пишет Род-
жер. — Эй вы, суки, кто сейчас ваш альфа-самец?» Ко-
нечно, это взгляд на мир безумца-одиночки. Но его пози-
ция находила поддержку на онлайн-форумах, в которых
он нередко участвовал, а также в группах по защите
мужских прав. Ее высказывали сетевые тролли, угро-
жавшие прекрасному полу изнасилованиями и избие-
ниями.

То, что давно уже знакомая женщинам по всему миру ненависть вылилась в убийство, стало последней каплей. Стартовало движение с хештегом #YesAllWomen, в котором участвовало более миллиона человек, рассказавших о том, как они живут в страхе, сталкиваясь с преследованием, угрозами и давлением.

Позже в том же году Рей Райс, звезда американского футбола и Национальной футбольной лиги США, ударил в лифте в казино свою невесту Дженай Палмер. Этот эпизод вызвал еще одну мощную волну онлайн-признаний и рассказов о домашнем насилии с хештегом #WhyIStayed. «Того, что принес нам 2014 год, я ждала всю свою жизнь, — говорит писательница из США Ребекка Солнит. — Он отрезвил женщин, как холодный душ, и активизировал феминистское движение. Мы отказываемся покоряться пандемии насилия — изнасилованиям, убийствам, избиениям, домогательствам на улицах, угрозам в Сети». [4]

Австралийскую общественность вывело из ступора публично совершенное жестокое убийство мальчика. Тут же вскрылась шокирующая статистика. В штате Виктория, где жила семья Бэтти, только в 2013—2014 годах полиции пришлось реагировать на более чем 65 000 случаев семейного абьюза. (Эта цифра на 83% выше, чем аналогичный показатель пятилетней давности.) [5] Звонки о подобных инцидентах поступают полицейским примерно каждые две минуты¹. [6] СМИ, поглощенные темой исламского терроризма, практически не освещали тот факт, что волна «домашних» преступлений растет и достигает гигантских размеров. А теперь общественность недоумевает: неужели все это правда? Отчего это происходит? Как насилие над женщинами могло получить такое широкое распространение?

¹ Полиция Австралии ежегодно сталкивается более чем с 264 000 случаев домашнего насилия — в пересчете получается одно обращение в две минуты. (Прим. автора.)

Семейный абьюз — глубокая рана на теле нашего общества. С ним сталкивается каждая четвертая австралийка¹. Почти 60% пострадавших женщин нуждаются в госпитализации. [7] Каждая пятая женская попытка самоубийства связана с домашним насилием. [8] Сейчас растет количество аборигенок, представительниц коренного населения австралийского континента, попадающих в места заключения. 70—90% этих преступниц сами были жертвами домашнего насилия. [9]

Развершаяся бездна порождает нескончаемый поток женщин и детей, вынужденных бежать из дома: в 2015—2016 годах 105 619 человек — 94% из них женщины и дети — признались, что абьюз в семье стал причиной того, что им пришлось обратиться за помощью в приюты и кризисные центры. [10] У подобных домашних трагедий далеко идущие разрушительные последствия, но мы редко можем проследить всю их историю и добраться до первопричины. Заметен лишь катастрофический итог — растущее количество бездомных, увеличивающееся число женщин-заключенных. Все недоумевают: почему же дела так плохи? [11] Умом мы понимаем, что с домашним насилием может столкнуться любой, но многие из нас все еще не могут представить себе, чтобы нечто подобное произошло с кем-то из тех, с кем мы знакомы, даже если об этом свидетельствуют факты, появляющиеся прямо у нас

¹ Есть и другая часто приводимая статистика — одна из шести. Ее источник — опрос ABS Personal Safety Survey 2012 года. Однако Австралийская национальная исследовательская организация по безопасности женщин (Australia's National Research Organisation for Women's Safety, ANROWS) приводит доказательства того, что эти данные неполные, потому что учитывают только женщин, подвергшихся насилию со стороны мужа или сожителя. Цифры, приводимые ANROWS (каждая четвертая), включают насилие со стороны бойфренда (мужчины, с которым женщина не живет, а встречается). Это, по заявлению представителей организации, позволяет точнее отразить масштабы проблемы. (Прим. автора.)

под носом. С таким явлением регулярно приходится сталкиваться Джулии Оберин, возглавляющей общенациональную организацию WESNET¹, которая читает лекции начинающим соцработникам в штате Виктория. Вот что она рассказала мне: «Вначале мои слушатели говорят, что не знают ни одной жертвы домашнего насилия. Но к третьей неделе случаются открытия. И они уже реагируют по-другому, например: “Я понимаю, что в детстве сталкивалась с абюзом в семье, но никто так это не называл”. Одна женщина заявила, что позвонила сестре и сообщила, что муж проявляет по отношению к той насилие — он контролирует все, что делает жена, и следит за ней, куда бы она ни пошла. Этой женщине потребуется помощь. Разглядеть нам домашнее насилие мешает тот факт, что мы концентрируемся на отдельных эпизодах и не понимаем, что это явление глубоко укоренилось в обществе».

Подобная сосредоточенность на частных случаях заставляет нас считать, что насилию со стороны близких подвергаются женщины определенного типа: малоимущие, уязвимые и неуверенные в себе, психически неполноценные или те, у кого сформировался «менталитет жертвы». Есть категории, которые действительно очень часто встречаются среди пострадавших. Например, представительницы коренного населения Австралии, инвалиды, нелегальные иммигрантки, те, кто вырос в семье, где практиковалось насилие, очень молодые девушки, а также женщины, живущие в удаленных от цивилизации районах. В периферийных областях страны действительно больше случаев физического насилия, чем в городах. [12] Но когда полицейские и защитники жертв утверждают, что домашнее насилие может коснуться каждого, они не выдумывают. Существует множество авторитетных ис-

¹ Women's Services Network (WESNET) — австралийская некоммерческая организация, помогающая женщинам и детям, пережившим насилие в семье. (Прим. ред.)